

Нужно ли дискутировать с неонацистами?

Как поступать с носителями реакционных взглядов: переубеждать
или закрывать рот?

Николай Дедок

Январь 2017

Нужно ли дискутировать с ультраправыми?

Что важнее, принцип свободы слова или борьба против реакционной идеологии? Таким вопросом я задавался сам для себя на фоне наблюдения за западной политической жизнью. Неожиданно, когда смотришь на американские/западноевропейские СМИ и политических блогеров, на ту повестку, которую они формулируют, складывается впечатление, что главными апологетами свободы слова являются правые (республиканцы, «анархо»-капиталисты, консерваторы), что, согласитесь, в общем для правых несвойственно, так как они во все века были противниками свободы. В то же время как левые и леволибералы, используя в качестве повода защиту прав женщин и меньшинств, «борьбу против дискриминации» стараются эту свободу ограничить. За примерами далеко ходить не надо. Например, в Германии вас будут судить за оправдание Холокоста и оправдание нацизма. В ряде европейских стран приняты законы против т.н. «Hate speech» (язык ненависти). В США такие законы, насколько знаю, не существуют, но там роль цензоров выполняет леволиберальная молодежь (преимущественно, студенты), объединения и движения за права меньшинств. В университетах и публичных пространствах они активно срывают выступления даже не нацистов, а просто правых консерваторов (которых они приравнивают к нацистам), любых критиков ислама и феминизма. Все это под знаменем борьбы с ненавистью и фашизмом. Обвинений в цензуре и ущемлении свободы слова они не приемлют, так как говорят «никакой свободы слова для нацистов» (притом, как я уже писал, критерий нациста очень широкий: любой кто говорит о таком явлении как черный расизм, записывается в нацисты), и для них вопрос, поставленный в начале этого текста, не стоит: тот, кто придерживается дискриминационных взглядов (или взглядов, которые кажутся им дискриминационными) высказываться не может, ему можно всеми средствами закрывать рот.

Оставим за скобкой сравнение таких леваков с самими нацистами, которые так же откровенно встают за цензуру — эта аналогия напрашивается сама собой. Мне

больше интересен анализ с анархистских позиций, так как анархизм — это наиболее последовательная гуманистическая идеология. Конечно, я считаю, что если нацист не выскажется публично — большой беды от этого не будет. И может действительно, защитить меньшинства от унижений, остановить распространение ненависти, делигитимизировать нацизм — всё это более важно, чем свобода слова, эфемерная по сравнению с конкретными атаками — физическими и словесными, которым подвергаются люди от поклонников ксенофобных идеологий?

Чтобы дать ответ на этот вопрос нужно, прежде всего, определить, что мы понимаем под нацизмом и его разновидностями. Не буду сейчас выводить здесь определения (их сотни), скажу только, что нужно четко отделить нацизм (расизм, фашизм и т.д.) от остальных правых и консервативных идеологий. Да, границы между ними могут время от времени стираться. Да, люди переходят из одного лагеря в другой. Да, нацисты иногда маскируются под уважаемых правоконсерваторов. Но это не должно быть для нас поводом, чтобы любого, кто в своих отношениях к государству/частной собственности/мигрантскому вопросу отличается от анархистов, мы записывали в фашисты. Не каждый человек консервативных взглядов — фашист. Не каждый сторонник сильного государства — фашист. Даже не каждый противник «нелегальных» мигрантов — фашист. Даже расизм бывает бытовым (от невежества и ограниченности кругозора), а бывает идейным, с расовыми теориями и попытками рационального обоснования. Приравнение любого неанархичного взгляда к фашизму не только не дает нам пропагандистских бонусов, выставляя односторонними фанатиками, но и мешает трезвому анализу вещей.

Отказ ультраправым в высказывании как бы вычеркивает их из действительности. Если ты стремишься заткнуть кому-то рот, ты хочешь, чтобы его версия действительности не звучала вообще — оставляя место только для твоей (или близких к твоей). Получается иллюзия того, что все вокруг в большей или меньшей степени тебя поддерживают. Но эта поддержка — иллюзорна, ибо она существует исключительно из-за того, что люди не слышат других точек зрения. Для анархистов такой вариант неприемлем уже хотя бы потому, что отсекает у людей критическое мышление, заставляет их принимать другие идеи только потому, что в них верит большинство, а не потому что они их осмыслили, внимательно обдумали и приняли. В США, например, как считалось, полностью победил леволиберальный дискурс, базирующийся на обожествлении политкорректности и т.н. «политике идентичности». Но скоро оказалось, что победа это была фейковой и на самом деле этот дискурс царит в среде интеллектуалов, студентов и среднего класса, огромное же количество американцев (как минимум — половина) симпатизирует ультраправым популистам.

Важно и то, что без постоянного разбора и анализа деструктивных идеологий люди склонны в определенное время воспринимать их как что-то новое, как реальную альтернативу существующему положению вещей. Если такой разбор исчезает, а любой плюрализм взглядов отсутствует, реальной становится опасность того, что люди начнут повторять уже однажды сделанные ошибки. Негативный пример должен быть у людей перед глазами, чтобы они понимали, что он действительно негативный.

Еще одна интересная и неожиданная сторона победы леволиберального дискурса состоит в том, что в общественном сознании и политическом спектре поменялись местами мейнстрим и бунтари. Буквально весь двадцатый век бунтарями против ис-

теблишмента и статус-кво считались леваки и анархисты: сторонники кардинальных перемен в обществе, борцы за социальную революцию. Но теперь левая фразеология и государственная политика, пусть и в довольно реформистской и мягкой форме заняла прочное место в правительствах ряда европейских государств, и почти победила в США. Сотни и тысячи НПО борются против ксенофобии и за права меньшинств, феминистские организации выискивают в высказываниях общественных деятелей и политиков, в кино и литературе «мизогинию», «фэт-шэйминг», «лукизм», и тысячи других «дискриминации», организуя одна за одной общественные кампании и травли тех, кто их допустил. Леваки не ленятся затыкать рот критикам ислама — мол, это «религия угнетенных». И вот на этом фоне вырастают псевдо-бунтарские молодежные субкультуры, такие как alt-right (альтернативные правые), ребята из которых считают себя храбрыми карбонариями, так как рисуют лягушонка Пепе в нацистской форме, поддерживают Трампа, шутят неполиткорректные шутки, и выступают за традиционные гендерные роли (какая храбрость!). Масло в огонь подливают заявления вышеуказанных НПО, которые, например, требуют от государства ... запретить лягушока Пепе, как нацистский символ! Смех смехом, но на фоне всеобщей политкорректности выше означенные ультраправые действительно выглядят как бунтари и радикалы, хотя, в сущности, не несут в своих идеях ничего радикального, не говоря уже об опасности для истеблишмента. Но факт этот довольно показательный: если леваки, победив на дискурсивном, лингвистическом уровне, начинают затыкать рот всем остальным, ультраправые, при всей порочности своей идеологии, начинают восприниматься как «повстанцы», борцы за свободу слова.

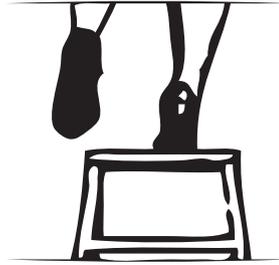
Все это я говорю не для того, чтобы мы сейчас признали нацистов белыми и пушистыми, и не для того, чтобы мы предоставляли им наши площадки для высказываний. Дело в другом. Выбирая насилие или ругань единственным средством общения с теми, кто с нами не согласен (пусть это и ультраправые) мы проигрываем чисто политически. Этот пост я написал по мотивам длительного наблюдения за фейсбучными дискуссиями в англоязычном интернете и тамошней политической жизнью. И сейчас я убежден: вешать на каждого, кто выражает некое подобие правых идей, ярлык «фашиста» и советовать ему «заткнуться» — худшее, что можно придумать. Мы сами от этого сильно проиграли по означенным выше причинам. Что там делают леваки, меня мало волнует (анархисты — не левые), но плохо то, что такое поведение переняла немалая часть анархистов. Человека не стоит делегитимизировать за то, что он применил неправильно существительное, или периодически юзает «хейт спич». Наша борьба должна вестись за каждую личность, а особенно за тех, кто способен выразить свои мысли в культурной дискуссии, так как это показатель интеллекта. Конечно, все выше сказанное не распространяется на тех ультраправых, у кого на руках кровь, или кто выражает прямые призывы к убийствам. С такими разговор короткий: их мероприятия можно и нужно срывать, их можно и нужно банить в соцсетях, их марши можно и нужно встречать камнями и коктейлями Молотова. Однако во всех других случаях дискуссия должна перевешивать силу. Чем затыкать выступающих ультраправых воплями о фашизме — лучше идеально взвешенной аргументацией и безупречной логикой камня на камне не оставлять от их теорий. Чем банить того, кто с вами спорит в фэйсбуке — объясните ему подробно, в чем он ошибается. И даже если ни один, ни второй с вами не согласятся — все вокруг

будут видеть, что наша идея более сильная, так как она правдива, лучше аргументирована и подкреплена фактами. Победой над конкретным человеком мы ничего не добьемся.

А развенчивая вражескую идею, мы утверждаем свою альтернативу. Сим победиши!

Николай Дедок

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Николай Дедок
Нужно ли дискутировать с неонацистами?
Как поступать с носителями реакционных взглядов: переубеждать или закрывать
рот?
Январь 2017

<https://fb.com/happymikola>

ru.theanarchistlibrary.org